

Когда он отпустил его руки, Бянь Хун по инерции резко толкнул мужчину в грудь, но тот даже не качнулся, словно врос корнями в землю. Зато самого Бянь Хуна отбросило на несколько шагов назад. Эта чудовищная, почти нереальная сила давила на него тяжелее всяких слов. Запястья, которые тот держал, горели, будто их обжёг огонь. Кончики пальцев непослушно дрожали.

Жун Фэн же сразу обернулся и одной рукой остановил мать, которая на ощупь пыталась выбежать к скользкому краю двора:

— Мама, вернись.

Он проводил её до комнаты, помог усесться на кан и, только повернувшись обратно, увидел: новая, «недружелюбная» невестка уже успел снять с себя большую тёплую куртку, накинутую на него всего полчаса назад, и, не оглядываясь, выскользнул за ворота, направляясь вниз по склону.

Дверь скрипнула. Старушка, услышав это, забеспокоилась и легонько ткнула сына в руку:

— Раз фулан в дом пришел, так чего ж ты не уступишь ему хоть чуть-чуть? Я слышу, ребёнок-то хороший... Если спугнёшь, где ты потом такого найдёшь?

Жун Фэн лишь сжал губы. Он не понимал, как его слепая мать успела за столь короткое время составить столь высокое мнение о человеке, которого почти не видела. Но, глядя на её глубокую усталость, на боль и потускневшие глаза, он лишь открыл рот и тут же закрыл его, сглотнув слова. Он не хотел, чтобы мать узнала правду: что за эти пятьдесят цзиней проса, выкроенные из денег на ее лекарства, их попросту обманули. Что настоящая невеста сбежала ещё до свадьбы.

Жун Фэн и сам изначально был против этой свадьбы. Он прекрасно понимал, какая за ним ходит молва; если невеста убежала - неудивительно. Но он никак не ожидал, что вслед за этим в историю окажется втянут человек, который в голодный год едва тянет на себе двух детей и сам держится лишь на силе одного упрямого дыхания.

И уж тем более он не ожидал, что тот человек осмелится прямо смотреть в его «призрачные» глаза - не дрогнув, не отводя взгляда, поднимая голову упрямо, словно не признавая поражения. Это было... странно. И совсем не похоже на то, к чему он привык.

Именно поэтому Жун Фэн и вышел следом.

Здоровье Бянь Хуна так и не восстановилось. После дороги до семьи Минь, после обмена себя на пятьдесят цзиней проса, после тесного паланкина, в тот миг, когда он решил, что жизнь можно отпустить и больше не держать её зубами, силы его покинули. Он держался только на воле. Стоило этой воле чуть ослабеть, и организм обрушился, как гнилая стена.

Сейчас, выскользнув за ворота, он шёл только на упрямстве. Шаги были шаткие; в глазах темнело. Но он должен был пойти к семье Минь. Мужчина вернулся домой с кровью на руках, а что, если он причинил вред Юаньдину и Гуаньбао? Смогли ли дети убежать? Не заболел ли кто? Хватит ли денег на лекаря?

Дом этой семьи стоял на отшибе, на склоне; дорога вела вниз, камни под ногами были скользкие, губчатые от сырости и тумана. Бянь Хун оступился, камень под пяткой поехал. Тело мешком полетело вперёд. Он успел только резко зажмуриться. Если упадёт здесь - покатится по склону до самого низа. А там... сможет ли он встать на ноги ещё раз, неизвестно.

Но в тот миг, когда земля уже уходила из-под ног, кто-то грубо, крепко, одним рывком ухватил его за ворот одежды и буквально выдернул назад. Бянь Хун, чье сердце всё ещё колотилось где-то в горле, резко обернулся и уставился на мужчину, на чьих костяшках ещё не обсохла кровь:

— Что ты делаешь?!

Этот человек, раскрывший подмену, с тем непостижимым, подавляющим гневом, вернувший зерно... возможно, избивший тех, кто виноват. А теперь ещё и не дает ему уйти. Что дальше? Избить и его, чтобы «выпустить злость»?

Жун Фэн, привыкший к одиночеству и неуклюжий в обращении с людьми, смотрел на взъерошенного, настороженного, как ёжик, Бянь Хуна с лёгкой растерянностью. Этот человек был колючий, трудноуправляемый... но при этом странно интересный.

Он сказал прямолинейно, без лишних слов:

— Выкуп за невесту был сто цзиней. Тебя обманули.

Бянь Хун, уже приготовившийся драться насмерть, замер:

— Что?

Жун Фэн отпустил ворот, позволив ему выпрямиться:

— Семья Ли изначально получила от моей матери сто цзиней проса.

И Бянь Хун сразу понял. Ли-санлан попросту присвоил половину - те пятьдесят цзиней, что вчера были вручены Минь Байгую. А та половина, что сейчас в мешке в руке Жун Фэна, не из семьи Минь. Это была украденная половина, которую он забрал обратно. Похоже, он всё понял неправильно. И теперь, стоя перед настоящим «пострадавшим», Бянь Хун ощутил неловкость. Раз уж просо, переданное семье Минь, не было отнято обратно, значит... формально он всё ещё принадлежит этому дому.

Горячий, колючий напор в нём тут же спал.

— Тогда... чего ты хочешь? — глухо спросил он.

Мужчина замолчал на мгновение, как будто выбирая, говорить или нет. Но всё же произнёс то, что вертелось в голове:

— Те двое детей... ты что, бросил их и всё?

Бянь Хун моргнул. Речь явно шла о Юаньдине и Гуаньбао.

— Это мои братья, не мои дети, — ответил он, затем, помедлив, странно скривив губы, добавил:
— Я... не могу рожать.

Мало ли, вдруг этот человек думает, что, раз настоящая невеста сбежала, то «и такое сойдёт», мол, пусть хоть подменюш ему ребёнка родит. Нет, уж если этот недоумок так думает, это надо пресечь сразу, у него такой функции нет.

Похоже, Жун Фэн совсем не доходил до таких мыслей: он тоже на секунду остолбенел. Более того, слегка смутился. Под пристальным взглядом Бянь Хуна его два разных глаза - карий и синий - немедленно отвели взгляд в сторону, будто он внезапно вспомнил о приличиях.

Горный ветер резал кожу, Бянь Хун дрожал всем телом. Мужчина протянул руку, хотел поддержать его, но тот инстинктивно отшатнулся, и между ними повисла напряжённая, неловкая тишина.

— Пойдём обратно, — наконец сказал Жун Фэн, отступив и оставив ему пространство, чтобы тот мог пройти сам.

Но Бянь Хун остался стоять. В душе всё тревожно колотилось. Жизнь или смерть - ему было всё равно. Но ночь, постель и этот мужчина...

С этой мыслью ноги не шли.

Этот человек слишком силен. Победить его невозможно. Убежать ещё меньше. Значит... просто позволить себе быть использованным?

Жун Фэн, словно угадав его страхи, негромко произнёс:

— Ты уже не можешь уйти. Наши имена внесены в общий регистр. Чтобы разорвать запись, придётся ждать весны.

Ли-санлан, боясь, что «невеста» сбежит, в ту же ночь понёс документы в уездное управление: запись уже скреплена как «супруги» и внесена в книгу под именем Жун Фэна. Изъять её теперь можно только весной, раньше никак.

Долгая тишина стояла между ними, пока наконец мужчина не продолжил:

— Это будет только... притворное супружество. Лишь чтобы исполнить волю старой матери. Она может не дожить до весны. Когда всё закончится, регистрация будет снята. А дальше останешься или уйдёшь, как захочешь.

Бянь Хун вспомнил тёплую руку, подававшую ему рисовый отвар. Ту же руку, что накрыла его огромной курткой. Вспомнил голос, называющий его «сыном». Слепые глаза, полные мягкого света.

И, словно помимо собственной воли, кивнул.

В самом деле, он всего лишь одинокая, бесцельно блуждающая по миру тень, бесприютный дух. Идти ему некуда. Если он способен исполнить чью-то последнюю волю, пусть будет так. Тем более сам он был неправ с самого начала: согласился на подмену ради пятидесяти цзиней проса.

Так Бянь Хун и пошёл за высоким мужчиной, шаг в шаг, молча, по склону вверх - обратно, в маленький сельский дворик у подножия горы Мэмэн, скрытый в дымке вечерних очагов.

Услышав шаги вернувшихся, мать Жуна Фэна обрадовалась так, что даже ощупью пошла к стене, собираясь готовить ужин. Старушка уже много лет была прикована к постели, давно не в силах ни выйти, ни работать в огороде, но сегодня в ней словно проснулась молодость и силы нашлись. Сын, как ни старался отговорить, был вынужден уступить.

Ужин получился простым, грубоватым, но сытным. К концу трапезы старушка довольно вернулась в свою комнату и, уходя, заботливо притворила дверь комнаты сына.

Дворик стоял у самого подножия горы; даже сидя в тишине внутри дома, можно было отчётливо слышать, как снаружи ветер гонит по склонам тяжёлую лесную волну, как ночные птицы и звери перекликаются во тьме, а порой, издали, доносится редкий протяжный вой волка.

Бянь Хун не мог уснуть. Затаившись в углу кана, он сидел, прислонившись плечом к стене, и ждал рассвета. Лунный свет, пробиваясь сквозь промасленную бумагу маленького окна, ложился на мужчину, раскинувшегося на самом краю земляной лежанки, и отбрасывал на стену силуэт, похожий на извилистый горный хребет.

Стоило ему лишь перевернуться, и Бянь Хун вздрогнул всем телом. Умом он понимал: в том,

чтобы находиться в одной комнате с женщиной, нет ничего особенного.

Но этот мужчина...

И уж тем более не тот, кого теперь считают его «мужем» по документам.

Всё это казалось абсурдом. А тело не спрашивало. Оно реагировало, как привыкло: страхом, настороженностью, болезненным откликом на любое приближение возможной угрозы.

Жун Фэн ясно чувствовал, как человек за его спиной боится его. Это чувство было для него слишком знакомым, настолько, что ему и оборачиваться было не нужно. Его собственное тело незаметно напряглось. Он немного подвинулся в сторону, чтобы увеличить дистанцию.

Они лежали, отвернувшись друг от друга, словно между ними пролегла глубокая трещина, по которой гуляет холодный горный ветер.

Ни один из них не пытался переступить этот разлом.

<http://bllate.org/book/13502/1199889>